

18.4.95

О чем говорят

Веч. кин. - 1995.

- 18 апр. - с. 1

Почему Юрий Любимов уже не медитирует в Москве

В Театре на Таганке прошло несколько общественных репетиций "Медеи" Еврипида в постановке Юрия Любимова. Современная оболочка, вечные проблемы. Безнаказанность в чужом краю — и расплата на родине; страх изгнанника (беженца на современном языке); отчаяние, перешедшее предел, за которым лишь необузданная жестокость, — эти темы образуют сложную полифонию смыслов. Полифонично и музыкально-поэтическое выражение будущего спектакля — стройные хоры в переводе Иосифа Бродского на музыку Эдисона Денисова. Играют в "проломах" стены, выложенной из тяжелых мешков. В финале статисты вынесут недостающие мешки и "достроят" стену, замуравив героев. В настоящий момент стена уже разобрана, мешки отправились в Афины, за ними следуют режиссер, артисты, чтобы продолжить репетиции к афинской премьере, намеченной на 22 мая. В июне артисты вернутся в Москву, когда вернется Любимов — неизвестно.

— Юрий Петрович, ваш спектакль начинается с медитации актеров...

— Я верю, и ученые так считают, что при медитации человек становится здоровее. Она нужна не для спектакля, а для людей, чтобы актеры чувствовали себя спокойнее, были более сосредоточенными.

— Вы имеете в виду атмосферу в театре?

— Почему только в театре? Вы думаете, там (показывает на окно) обстановка лучше или у вас дома? Или у вас особый дом, окруженный чем-то, кроме скверного московского воз-

духа? Общее состояние этого общества разве нормальное?

А медитацией надо заниматься два раза в день независимо от того, идет или не идет спектакль.

— А когда вы сами пропускаете через себя такую трагическую драматургию, вы стараетесь как-то успокоиться?

— У вас, видимо, теория, что если я играю бандита, то должен сам пройти через преступление. А Александр Сергеевич говорил: "Над вымыслом слезами обольюсь". Если у человека, который занимается ис-

кусством, нет фантазии, ему лучше заняться чем-нибудь другим.

— В вашем спектакле звучит не изданный в России перевод Бродского...

— Он мой знакомый, я его попросил.

— Вы проводите какие-либо историко-политические аналогии в этом спектакле?

— Нет. Это великое искусство, потому что оно вечное. Вещь уходит в тень, потом опять появляется. Все зависит от человека, что он там находит.

— Когда вы приглашали на роль Медеи Сажу Умала-

тову, вас не смущало такое несовпадение ваших мировоззрений?

— Я не приглашал, я хотел показать, какие бывают характеры. Потому что никто не понимает — какая-то Медея, чего это она там. Это был своего рода эксперимент, чтобы отвлечь ее от политики, чтобы она занялась искусством. Она прочла пьесу, сказала, что она ей понравилась, и даже попросила показать Ясона. Я показал ей Ясона — Беляева. Она сказала — ничего. Потом спросила, есть ли суфлерская будка, видно, уже решила, что можно текст

учить, — видите, какая хватка.

А вообще меня не смущают разные мировоззрения. Меня смущают скверные люди, которые делают из своего мировоззрения жуть, делают невыносимой их жизнь, а как они себя называют — фашисты, или коммунисты, или фундаменталисты, — мне все равно, лишь бы гадостей не делали. А они все делают, а вы все не понимаете.

— Почему вы решили последний месяц репетировать в Афинах?

— Это Афины предложили. Они могут платить людям деньги, а в этом государстве, кроме нищеты, ничего не могут. Вот я и еду, чтобы они там поели, привели себя в порядок, почувствовали, что они все-таки живут нормально, а не в лагере.

— Что вы еще собираетесь ставить в ближайшее время?

— В Греции — "Вишневый сад", в Германии — "Пиковую даму".

Ольга ФУКС.
Фото Александра АБАЗЫ.

Любимов Юрий